

Ubanhebung

Иван Александрович Ильин

Общее учение о праве и государстве

текст преоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177393

И. А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 4: Русская книга; Москва; 1994

ISBN 5-268-01394, 5-268-01393-9

Аннотация

Первая оригинальная работа Ильина – «Понятия права и силы. Опыт методологического анализа» (1910) – посвящена, казалось бы, частному вопросу: можно ли в определенном отношении считать тождественными право и силу? Главный смысл работы Ильина заключается в демонстрации того, что право в его сущностном понимании не есть «реальность» в обычном смысле этого слова. Право есть внешнее выражение некоторых глубинных отношений между людьми, выходящих за пределы их существования в материальном мире. Утверждая, что в чисто юридическом и логическом плане право принципиально отличается от силы, главный признак которой – ее непосредственное осуществление в материальном мире, Ильин фактически утверждает, что право есть феномен, связанный с некоторой сверхэмпирической сферой, лишь опосредованно проявляющейся в реальности эмпирического мира, в отношениях сосуществующих правовых индивидов.

«Общее учение о праве и государстве» это вторая часть книги «Понятия права и силы. Опыт методологического анализа»

Содержание

§ 1. ПОНЯТИЕ О ЗАКОНОВЕДЕНИИ	4
§ 2. ПОНЯТИЕ О ЗАКОНЕ И НОРМЕ	6
§ 3. НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЩЕЖИТИЯ	9
§ 4. ФОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ	12
§ 5. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ	15
§ 6. ВИДЫ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ	17
§ 7. НОРМЫ РЕЛИГИИ И МОРАЛИ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

И. А. ИЛЬИН

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

§ 1. ПОНЯТИЕ О ЗАКОНОВЕДЕНИИ

Когда человек стремится к знанию, то он часто не дает себе отчета в том, что значит «знать». А между тем без этого он не может удовлетворить своего стремления и нередко блуждает в темноте.

Знать – значит, прежде всего, *представлять себе* что-нибудь. Тот, кто *ничего* себе не представляет, тот и не знает ничего; это мы выражаем словами: «он не имеет никакого представления». Однако не всякое представление может быть названо знанием. «Какие-нибудь» представления имеются у каждого человека: с утра до вечера наша душа занята чем-нибудь; она представляет себе то одно, то другое, останавливаясь на многом, – то по очереди, то сразу, то внимательно, то небрежно. Наши представления бывают при этом нередко смутными и неопределенными. В противоположность этому *знающий* имеет представления *ясные и определенные*. Это означает, что знание всегда говорит об *определенном предмете*. Нельзя знать сразу обо всем; тот, кто хочет знать, тот должен согласиться на разделение и ограничение. Поэтому каждая наука как совокупность знаний имеет дело с каким-нибудь *определенным предметом*. Об этом едином, определенном предмете наука дает нам представления *отчетливые*. Смутные, сбивчивые представления не имеют цены в науке; кто представляет себе что-нибудь смутно, тот не может ни *понять*, ни *запомнить*. Понять значит «принять в душу» и овладеть мыслью, а для того, чтобы сознание овладело предметом, оно должно представить себе его с самою большою ясностью. Знающий *владеет* своим предметом и может всегда в нужный момент вызвать в душе отчетливое представление, воспроизвести его и *выразить его в словах*.

Итак, «знать» значит *ясно и отчетливо представлять себе что-нибудь определенное* или, что то же, *понимать и помнить*.

Однако понять и запомнить можно *верное*, но можно и ошибочное. Тот, кто усвоил что-нибудь неверное, тот не обладает истинным знанием. Вопрос о том, *что есть истина*, решается, вообще говоря, в научных исследованиях; там собираются и излагаются те основания и соображения, в силу которых одно следует признать истинным, а другое ложным. Эти основания называются *доказательствами*. Каждое научное исследование стремится установить при помощи доказательств верное или истинное знание о своем предмете, будь то о фигурах в пространстве (геометрия), или о движении тел (механика), или о жизни существ (биология), или же о сущности добра и зла (этика). *Наука есть совокупность доказанных истин или истинных знаний об определенном предмете*.

То, что добыто научными исследованиями в известной отрасли знания, может быть изложено *отдельно* от научных доказательств; такое изложение, дающее *готовые итоги* и не входящее в рассмотрение доказательств, останавливается обыкновенно только на самых важных вопросах; оно сообщает наиболее существенные, *основные сведения* в *общедоступной* форме. Такое изложение научных итогов придает науке подготовительный, или *пропедевтический*, характер. Именно такой характер имеет *Законоведение*: оно излагает вкратце зрелые итоги, добытые в науках, изучающих сущность *права и законов*. В этом основное отличие законоведения от других юридических наук. Законоведение есть наука *несамостоятельная и общая*. Оно *несамостоятельно* потому, что само *не исследует предмета*, но под-

водит краткие итоги другим, самостоятельным наукам о праве. Оно имеет *общий* характер потому, что излагает основные выводы многих, главных юридических наук, останавливаясь на том, что важно для всякого юриста, и опуская то, что имеет более специальный интерес.

Таков характер законоведения как особой отрасли научного знания (по-славянски «ведения»). Законоведение, как подготовительная, или пропедевтическая, наука, имеет определенный предмет: именно, оно содержит основные сведения о тех обязательных правилах поведения (*нормах*), которые устанавливаются уполномоченными и потому авторитетными людьми; общественная жизнь подчиняется этим правилам (*правовым нормам*) и превращается через это в мирную, упорядоченную и организованную жизнь; люди объединяются в *государственный союз* и работают сообща над усовершенствованием своей внешней и внутренней жизни.

Первые сведения об этих правилах и об этом порядке дает *общее учение о праве и государстве*.

§ 2. ПОНЯТИЕ О ЗАКОНЕ И НОРМЕ

Чем бы ни интересовался человек и чем бы он ни занимался, ему всегда приходится иметь дело с *множеством* разнообразных вещей или предметов. В небе он видит множество светил – неподвижных звезд и планет; на земле – множество растений и животных; он окружен множеством людей и даже в душе своей замечает много различных представлений, чувств, желаний и помыслов. Числа в арифметике, фигуры и части фигур в геометрии, молекулы и атомы вещества в физике – все это образует огромное множество единиц или *элементов*, перед которым человек может и растеряться. Однако он скоро замечает, что все эти элементы стоят друг с другом в некоторых *отношениях*, которые или всегда остаются *неизменными*, или же от времени до времени *повторяются*. Так, например, отношения чисел или геометрических фигур остаются *всегда одинаковыми*; расположение планет в небе или связь представлений в душе человека – *повторяются* от времени до времени. Заметив это, человек направляет все свое внимание на то, чтобы подметить как можно больше таких устойчивых или повторяющихся отношений, которые могут быть названы *постоянными связями*. Он замечает при этом, что как самые элементы, так и связи их имеют в разных областях различный характер. Так, например, *математика* изучает преимущественно связи между *величинами* и *количествами*, и связи эти состоят в том, что один элемент *всегда больше* другого, или *всегда меньше* другого, или *всегда равен* другому; *естественные науки* исследуют преимущественно *причинные связи* между *вещами* (их изменениями и движениями) или *явлениями* природы, и связи эти состоят в том, что появление одного элемента (напр., огня) *всегда влечет за собою* появление другого элемента (напр., теплоты) и т. д. При всем разнообразии этих элементов и отношений, среди них есть постоянные связи; то, что казалось на первый взгляд беспорядком или даже хаосом, скрывает в себе, очевидно, какой-то *постоянный и необходимый порядок*. Все науки пытаются уловить этот порядок, формулировать его в виде суждений и выразить в словах. Напр.: «сумма всех углов треугольника всегда равна двум прямым»; «угол падения всегда равен углу отражения»; «растения поглощают углекислоту и освобождают кислород» и т. п. *Суждения, которые утверждают какой-нибудь постоянный и необходимый порядок, называются законами*.

Понятно, что всякая наука имеет дело с законами. Однако необходимо точно отличать *законы бытия* и *законы долженствования*. Правовые законы, изучаемые в законоведении, относятся именно к числу последних.

Законы бытия говорят о том, что *в действительности есть* известный порядок. Этот порядок существует или обстоит *на самом деле*; плох он или хорош, полезен людям или вреден, прост или сложен – он имеется налицо. Таковы не только законы математики, но и *законы природы*. Закон природы говорит о том, что существует в действительности или, точнее – что *всегда* и необходимо совершается, например, среди атомов, или среди минералов, или в мире планет, или в царстве растений и животных. *Законы бытия говорят о постоянных связях, существующих в действительности*.

Напротив, *законы долженствования* говорят о тех связях или отношениях, которые *должны* осуществляться людьми в их жизни и деятельности. Эти законы суть *правила*, которые людям *следует* соблюдать. Каждый раз, как живой человек действует или совершает известный поступок, он может делать свое дело *лучше* и *хуже*. При этом, если он живет сознательной жизнью, он имеет возможность обдумывать свой образ действий, выбирать *лучший* путь и решать в его пользу. Во всех этих случаях человек имеет перед собою известные *правила*, которые указывают ему искомый *лучший* жизненный путь. Эти правила говорят не о том, что существует на самом деле; но о том, как *следует* людям жить, действовать и поступать. Эти правила могут быть названы законами потому, что они указывают *посто-*

янный и необходимый порядок, который людям надлежит осуществлять в их деятельности. Понятно, что «постоянство» этого порядка состоит не в том, что «так всегда бывает»: люди могут соблюдать правила, но могут и не соблюдать их, и в действительности они часто их не соблюдают. «Постоянство» означает здесь, что люди *всегда должны* действовать так, а не иначе и что они будут *неправы* каждый раз, как только нарушат эти правила. Точно так же «необходимость» этого порядка состоит не в том, что «иначе не может быть»; но в том, что соблюдение этих законов есть *единственный* путь, при котором люди будут правы. Тот, кто поступает согласно *закону долженствования*, тот не может быть неправ – вот смысл этой «необходимости». Такие *законы правильного, надлежащего поведения* мы будем называть *нормами*.

Итак, *норма есть суждение, устанавливающее известный порядок как должный*, или еще проще: это есть *выраженное в словах правило лучшего*; напр., «не убий», «отдавайте кесарево кесарю, а Божие – Богу»; «не допускай в суждениях своих противоречия»; «никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком»;¹ «родители обязаны давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание...»;² «выборы членов парламента должны быть свободны»³ и т. п. Это означает, что в каждой норме, к кому бы она ни относилась и кем бы она ни была установлена, имеется в виду некоторый *лучший* порядок действий; этот «лучший» порядок и устанавливается как обязательный. *Каждая норма* предполагает, что некоторое *разумное существо* рассмотрело различные способы жить и действовать; признало, что одни из этих способов *лучше*, а другие *хуже*; выбрало именно *лучшие* способы и постановило, что *люди должны* соблюдать и осуществлять именно их. Этот порядок жизни, признанный лучшим, признается лучшим не только для какого-нибудь отдельного, единичного человека, но для *всех* людей или во всяком случае для *многих* людей, обладающих особыми предусмотренными свойствами, напр., для ученых, для рабочих, для правительственных чиновников и т. д. Во всяком случае норма всегда имеет характер *общий*, т. е. она предписывает *одно и то же* для *всех одинаковых* случаев. Само собою разумеется, что то, что относится ко *всем*, относится и к *отдельному человеку*; поэтому из каждой нормы можно вывести правило поведения и для отдельных людей, и в частности, предписание для их единичных поступков. Такие предписания, относящиеся к единичным случаям, следует называть уже не нормами, а *императивами*.

Понятно, что норма может относиться только к *разумно-действующим* существам, т. е. к людям. Неодушевленные вещи не действуют и потому не могут иметь правил поведения; что же касается животных, то приказы, с которыми человек к ним нередко обращается, не могут быть даже названы «императивами», потому что каждый императив рассчитан на *разумное и сознательное усвоение* со стороны *повинующегося*; как норма, так и императив суть такие правила *лучшего*, которые слагаются разумным, выбирающим и оценивающим существом и обращаются к существу, также способному к оценке, выбору и разумному решению. Научное исследование жизни животных не дало нам до сих пор оснований признать за животными такие способности.

Понятно также, что каждая норма и каждый императив как *правила лучшего* должны предписывать то, что *в самом деле* является лучшим. Человек *должен* соблюдать предписанный порядок именно потому, что он *лучший*. Поэтому прежде, чем устанавливать норму, необходимо иметь *верное и отчетливое* представление о том, что есть лучшее. Тот, кто пытается установить правило *мышления*, должен исследовать, что есть «лучшее» в мышлении, т. е. что такое *истина*; кто ищет правило для *художественного творчества*, тот должен

¹ Статья 95 русских Основных Законов.

² Статья 172 Свода Законов Гражданских.

³ Раздел I, статья 8 английского билля о правах от 13 февраля 1689 г.

решить вопрос о том, что есть лучшее в искусстве, т. е. что такое *красота*; кто стремится установить правило нравственно праведной жизни, тот должен исследовать сущность *добра*; а тот, кто устанавливает правовую норму, предполагает известным, в чем состоит сущность *справедливости*.

Наконец нетрудно понять, что каждая норма сохраняет свое значение в качестве *правила лучшего* даже и в том случае, если кто-нибудь ее нарушает. Несоблюдение правила *не отменяет* его и не может его отменить. Так, если кто-нибудь будет допускать в суждениях своих противоречия, то мышление его станет неверным, но правило о непротиворечивости мышления останется непоколебленным; точно так же, если кто-нибудь возлюбит себя превыше всего, то состояние его души окажется нравственно недобрым, но завет Христа сохранит свою глубокую верность. Убийство нарушает норму «не убий», но не отменяет ее. Таково основное значение всякой нормы.

Однако законоведение изучает далеко не все законы долженствования, но только один вид их: именно, *нормы права*. Правила мышления исследуются в *логике*; правила художественного творчества – в *эстетике* (наука о прекрасном); правила нравственно совершенной жизни – в *этике*. Законоведение исследует основные черты и основное содержание тех норм, которые предписывают людям известное *внешнее поведение в их совместной жизни*. Таковы нормы права.

§ 3. НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЩЕЖИТИЯ

Мыслители самых различных эпох отмечали у человека тяготение к совместной жизни. Самые основные влечения и интересы, начиная от первичных инстинктивно-эгоистических побуждений и кончая утонченными духовными запросами, заставляют человека искать постоянного общения с другими людьми.

Общежитие необходимо человеку потому, что оно может дать и действительно дает ему *элементарную обеспеченность и духовную полноту жизни*.

Каждый из нас, взятый сам по себе, в отдельности, является существом ограниченным и беспомощным. С самого момента рождения человек нуждается в помощи других людей и неминуемо погибает, если не находит ее: голод и холод, первые враги человека, полагают быстрый конец его жизни. Принимая эту первоначальную помощь, каждый из нас завязывает тем самым *первые общественные связи* задолго до того, как он начинает сознавать и помнить себя. У каждого из нас есть люди, заботам и вниманию которых мы обязаны своею жизнью в этот долгий и трудный период. В большинстве случаев это – родители, и им принадлежит первая сильная привязанность ребенка. Человеку естественно родиться и воспитываться в *семье*, т. е. среди людей, с которыми он связан кровным родством; это те, от кого он произошел, и те, кто связан с ним одинаковым происхождением (братья и сестры). Задача родителей по отношению к ребенку двоякая: во-первых – избавить его от преждевременной и непосильной *борьбы за существование*, во-вторых – помочь ему взрастить в себе ту *духовную жизнь*, ради которой человеку вообще только и стоит жить на свете.

Возможность существовать дается человеку не даром и не легко, и эта трудность имеет огромное *положительное* значение. Трудно представить себе, до какой низкой ступени опустился бы человек, если бы все, необходимое для его жизни, давалось бы ему без всяких усилий. Уверенность в том, что все потребности будут удовлетворены без всякого труда, вызвала бы в человеке беспечность и пассивность и сделала бы его жертвой *душевной инерции*. Историки не раз обращали внимание на то, что цивилизация и культура медленнее развиваются там, где климат и флора *вполне* обеспечивают человека от голода и холода. Правда, чрезмерно суровые и непосильные условия жизни также неблагоприятны развитию человека, но эта неблагоприятность побеждается человеком позднее, когда он достигает высшей ступени развития. *Необходимость бороться*, чтобы жить, – вот главный двигатель человеческой цивилизации.

Итак, борьба за существование должна быть человеку посильна, для того чтобы он не погиб. При этом «существовать» не значит для человека «прозябать». Современная наука о душе, прилежно изучающая не только сознательную жизнь человека, но и его бессознательные и полусознательные проявления (напр., привычки, суеверия, сновидения, работу воображения, работу памяти, душевные недуги и проч.), свидетельствует о том, что человек не может жить здоровой жизнью без некоторого, определенного по количеству и по степени, запаса *удовлетворений*; задача человека не в том, чтобы искоренить в себе жажду удовольствия и счастья, но в том, чтобы, с одной стороны, *одухотворить* все свои удовольствия, т. е. сделать их духовно значительными радостями, с другой стороны – связать свое счастье со счастьем *всех* людей, т. е. убедиться, что нельзя быть счастливым наряду с несчастьем других и далее действовать согласно этому убеждению. Однако люди до сих пор очень далеки от выполнения этой задачи, и это выражается не только в том, что они легко и быстро удовлетворяются низшими, чувственными удовольствиями, но и в том, что они ищут одинокого, эгоистически ограниченного счастья и, не находя его, наивно удивляются и жалуются. В результате этого эгоистического самочувствия борьба за существование оказывается уже не только борьбой человека *с природой*, ради овладения ее законами и подчинения ее своим

целям, но, помимо этого, еще борьбою человека *с человеком* из-за житейского удовлетворения и благополучия.

И вот, как только человек вырастает и семья перестает ограждать его спокойное развитие, он видит себя вовлеченным в *борьбу за существование*. С одной стороны, он в союзе со всеми людьми борется *с природою*. Все люди заинтересованы в том, чтобы точно изучить живые силы, действующие в природе; это изучение совершается в *опытных (эмпирических) науках*, и каждое открытие ученых в этой среде должно рассматриваться, и в большинстве случаев действительно рассматривается, как достояние всего человеческого рода. *Технические науки* изучают наиболее целесообразные и выгодные способы приложения научных откровений к хозяйственным нуждам людей, а *техническая деятельность* применяет эти способы в борьбе за подчинение природы человеку. В этой борьбе все люди составляют как бы один великий наступательный и оборонительный союз, который с особенной силой и ясностью чувствуется всеми на всемирных научных и технических съездах, а также в эпохи стихийных бедствий – землетрясений, наводнений, неурожая и эпидемических болезней. Такова *естественная* борьба за существование, ведущаяся человеком.

С другой стороны, человек до известной степени противостоит всем остальным *людям* и в этой общей *социальной* борьбе за существование объединяется с отдельными группами людей; задачей этого объединения является *взаимная поддержка* объединившихся.

Здесь наряду с самым тесным союзом, основанным на кровном родстве, – с семьей, – стоят соединения *хозяйственные и культурные*.

Всякая внешняя вещь, могущая послужить для удовлетворения человеческой потребности или непосредственно – тем, что человек будет ею пользоваться, или косвенно – тем, что человек посредством нее подготовит для потребления новые вещи, может быть названа *хозяйственным благом*. Хозяйственная деятельность состоит в том, что человек старается по выработанному заранее плану, при *наименьшей* затрате сил и *наибольшей* успешности труда приспособить вещи внешнего мира к удовлетворению своих потребностей. Эта хозяйственная работа совершается особенно успешно, если занятия распределяются среди людей так, что каждый берет себе какую-нибудь одну специальность, достигая в ней большего умения и большей производительности. Но именно такое разделение труда, осуществляющееся все более в современном обществе, заставляет каждого человека нуждаться в работе других людей. Современный человек чаще всего исполняет какое-нибудь *одно* тесно ограниченное дело, важное или полезное в общем ходе хозяйства, и за то пользуется трудами или произведениями бесчисленного множества, часто даже неизвестных ему, людей. Каждый из нас, чтобы удовлетворить свои потребности, должен «найти себе работу», т. е. взять на себя известное дело, которое другие люди согласились бы признать полезным или нужным; «деньги», которые мы за это получаем, дают нам возможность, путем обмена их на вещи или на услуги других людей, получить все, что нам необходимо. Современный человек стоит, таким образом, в теснейшей хозяйственной зависимости от других людей, а также от той хозяйственной организации, которая сложилась в результате всей предшествующей жизни человечества.

Однако в хозяйственном отношении человек не только *сотрудничает* с другими людьми, но и *вступает* с ними в *борьбу*. Каждый стремится при наименьшей затрате сил получить наибольшее удовлетворение, т. е. работать возможно меньше, а получать за это возможно больше. На этой почве у людей возникает столкновение интересов, причем люди, находящиеся в одинаковом или похожем положении (напр., покупатели, рабочие, торговцы, землевладельцы и т. д.), стремятся объединиться друг с другом для того, чтобы сообща отстоять общий им всем интерес.

Понятно, что одинокому человеку, живущему вне общения, было бы крайне трудно *обеспечить свою жизнь* так, как ее обеспечивает сначала *жизнь в семье*, а потом участие

в хозяйственном сотрудничестве. Человеческое сожителство построено на двух началах: борьбе за существование и взаимопомощи; люди поддерживают друг друга не только в борьбе с природой, но и в борьбе друг с другом, и можно сказать, что жизнь каждого отдельного человека (индивидуума) будет тем более обеспечена его участием в обществе, чем больше взаимная помощь заменит социальную борьбу за существование.

Однако общежитие дает человеку не только *элементарную обеспеченность*, но и *духовную полноту жизни*. С тех пор, как человек начинает сознавать себя, он видит свою внутреннюю ограниченность и неполноту. Он видит вокруг себя людей, которые знают больше, чем он, которые обладают более зрелым умом, или более твердою волею, или более глубоким чувством, или более чуткою совестью, и самолюбие его нередко страдает от этого. Лишь постепенно привыкает он к мысли о том, что общение с такими людьми не только не нежелательно для него, но прямо необходимо: оно необходимо ему потому, что *общение с лучшими* есть одно из основных условий его собственного духовного развития. Человек становится лучше, сравнивая себя не только с идеальным «совершенным» образом человека, о котором говорит Евангелие, но и с теми, кто в действительности достиг в каком-нибудь отношении – высшей ступени. *Сравнение* себя с ними, беспристрастный *самоанализ* и *подражание* лучшему – вот верный путь прогрессивного развития. Таким образом человек может развить и улучшить свои познания, свои умения и свои душевные силы.

Но и за этими пределами остается много такого, к чему человек не может найти доступ самостоятельно, и людям всю жизнь приходится довольствоваться преимущественным развитием в себе какой-нибудь *одной* душевной способности. А между тем душа человека ищет нередко самых различных духовных удовлетворений и требует *разностороннего* духовного развития. И вот каждый из нас стремится найти для каждого своего духовного запроса подходящий круг людей, общение с которым могло бы дать ему искомое удовлетворение. И здесь, как всюду, *общие цели* объединяют людей и заставляют их признать, что недоступное одинокому человеку доступно тому, кто объединяется с другими на началах взаимопомощи. При этом, объединяясь, человек не только ищет и находит удовлетворение своим узким, эгоистическим интересам, но и открывает, что *самый процесс* объединения с другими людьми дает ему новую полноту жизни. Человек научается ценить общежитие не только как *средство*, необходимое для жизни, но как путь, ведущий к *прекрасной* и *достойной* жизни, и, наконец, как самостоятельную *ценность*. Общество людей прочно и сильно только взаимною поддержкою всех, общою «круговою порукою» (солидарностью); постепенно эта связь и взаимная поддержка, в которой один борется за всех и все защищают одного, скрепляет людей более глубоким образом, – взаимным влечением и взаимною *любовью*; развитие, углубление и одухотворение этой связи и этого чувства является высшей задачей, *идеалом* совместной жизни людей.

§ 4. ФОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ

После всего сказанного нетрудно понять, каковы основные формы человеческого общежития.

Для того, чтобы состоялось общение, люди должны иметь возможность воспринимать друг друга: слышать живое слово или, по крайней мере, прочитать его в записи, видеть друг друга и т. д. Почта, телеграф и телефон могут нередко заменить непосредственное свидание, а в отдельных случаях даже завязать между людьми новое сношение. Но устойчивое, длительное и продуктивное общение предполагает возможность непосредственного, частого и легкого взаимного восприятия. Поэтому можно сказать, что все основные формы общежития возникают среди людей, живущих приблизительно *в одно время* и *в одном месте*. Правда, человеку, с одной стороны, свойственно делать многое для своих будущих или возможных *потомков*; с другой стороны, среди первобытных народов распространено религиозное почитание *предков*, которые остаются неизвестными позднейшим поколениям. Однако такое *одностороннее* проявление общественного чувства не создает ни общения (оно предполагает *взаимность*), ни общежития (оно предполагает более или менее *длительное существование*). Всякое общежитие состоит прежде всего в том, что люди *вместе живут* и *вместе действуют*. Согласно этому, основные формы общежития определяются тем, *что именно связывает людей воедино*. Обычно бывает так, что различные связи и скрепы совмещаются и одна из них вызывает к жизни другую.

По самому *происхождению* своему люди связываются кровным родством в *семью*. Самым простым и типичным составом семьи может считаться *троичный* состав: отец, мать и ребенок. Однако в действительности этот простейший состав обыкновенно являлся и нередко является и теперь осложненным. Первобытные народы жили не в единобрачии, а в многобрачии. Это, конечно, не нарушало троичного характера *семейной ячейки*, подсказанного самою природою, но приводило к тому, что порядок совместной жизни складывался более запутанно и сложно. Так, у народов, живших охотою, мать, оставаясь у очага и поддерживая необходимый минимум оседлой жизни, могла иметь и воспитывать детей от разных мужей; обратно этому у индусов и магометан, допускающих многоженство, семья состоит из одного мужа и нескольких жен, нередко с большим количеством детей. Современная наука полагает, что строгое *единобрачие* сложилось в результате долгого развития человеческих нравов и учреждений.

Тот строй семьи, который с достоверностью отмечен историей, есть строй *патриархальный*, т. е. основанный на власти отца. В далекие времена, когда охота, торговля и войны постоянно и надолго уводили отца семейства от домашнего очага, власть его, понятно, не могла быть велика и власть *матери* создавала и поддерживала строй жизни. Но с переходом к земледелию и оседлому труду, с возникновением городов и оседлой жизни власть сосредоточивается в руках отца. В эту эпоху *браки* совершаются обычно в установленном *религиозном* порядке, и отец получает свою власть как бы от божества. Он является *домовладыкой*: вся собственность семьи принадлежит ему; над женою и над детьми он имеет право жизни и смерти; он может временно уступить третьему лицу свою власть над сыном и даже продать его в рабство. Домовладыка является в пределах семьи верховным *жрецом* и *судьею*: он совершает богослужение и разбирает споры между членами семьи.

Дальнейшее развитие семейного строя идет в двух направлениях: во-первых, все более упрощается порядок единобрачия; во-вторых, власть отца постепенно ограничивается, вновь начинает признаваться некоторая самостоятельность матери и складывается сознание обязанностей родителей по отношению к детям. Вследствие того, что власть отца не прекращалась со вступлением детей в зрелый возраст, каждая семья, естественно, развивалась в целое

гнездо семей, связанных *общим происхождением* от одного предка и следовательно – *кровным родством*. Такая разросшаяся семья образовывала *род*. Род в основном своем составе продолжал единую, совместную жизнь. Он был подчинен единому родоначальнику – патриарху и связан множеством общих интересов и взаимных обязанностей. Род владел землею сообща, под управлением и руководством патриарха; имущество переходило по наследству от родича к родичу; родичи были обязаны помогать друг другу и защищаться сообща от нападений; за убийство родича весь род мстил кровавою местию; род был объединен общим именем, он имел общие религиозные празднества и общее кладбище.

Естественно, что при увеличении рода связь между членами его все более ослабевала и постепенно утрачивалась. Он распадался в свою очередь на несколько самостоятельных родов, отдельные члены которых уже не могли установить свое родство через отдаленного родоначальника. Однако развитие в одном климате, при одинаковых природных условиях, участие предков в совместной жизни и кровное, хотя и отдаленное сродство, – все это оставляло у потомков черты сходства в строении тела и в укладе душевной жизни. *Родовая близость уступала место племенному сходству*; люди оказывались объединенными в *племя*. Единоплеменники не только напоминают друг друга цветом волос, или строением головы и лица, или разговорным диалектом; они часто продолжают жить в одной и той же местности, добывают себе пропитание одинаковым трудом, имеют общую религию, одинаковый семейный строй и сходные обычаи. Мало того, племя нередко сохраняет единство управления и суда, но во главе стоит уже не родоначальник, а старейшина, иногда избираемый племенем, иногда передающий власть по наследству своим детям, часто окруженный советом мудрых и опытных мужей.

Дальнейшее развитие идет обычно сразу по двум путям: внутренняя жизнь племени становится все сложнее и разнообразнее, а внешним образом племя несмотря на свой численный рост достигает постепенно большей объединенности. При этом войны между племенами, переселения и торговые сношения нередко перепутывают племена между собою и нарушают чистоту племенной крови. И когда племена разрастаются в целые *нации*, объединенные в *государства*, то каждая нация оказывается обыкновенно смешением нескольких племен, причем *одно* из племен нередко преобладает в этом смешении.

В историческом развитии кровно-родовое единение людей постепенно уступает свое место единению, основанному на других началах. Правда, семейный союз не только не исчезает, но получает даже особую самостоятельность, освобождаясь от родового быта; но зато род и племя вытесняются *хозяйственными, духовными и правовыми* связями.

Люди, объединенные совместно жизнью в одном роде или племени, легко оказываются в различных хозяйственных положениях: специализация в труде делит людей на опытных и неумелых; размеры личных способностей и удача быстро ведут к *имущественному неравенству*; стремление родителей передать имущество детям упрочивает это неравенство, а жажда наживы обостряет его. Постепенно люди начинают сознавать, что наиболее обеспечен тот, кто владеет *орудиями производства*, т. е. землей, машинами, а потом фабриками и т. д. Так постепенно общество разделяется в зависимости от хозяйственного положения и хозяйственного интереса отдельных людей на *классы*; классы с течением времени начинают сознавать общность своих интересов, объединяются и вступают друг с другом в борьбу. Такова, например, борьба крестьян с крупными землевладельцами или фабричных рабочих с фабрикантами и промышленниками. Некоторые ученые пытались даже изобразить всю историю человечества как борьбу различных классов между собою.

Классы не следует смешивать с *сословиями*. Сословием следует называть группу людей, особое и самостоятельное положение которой в общей жизни и деятельности признается и поддерживается *правовыми нормами*. Это особое положение далеко не всегда состоит в одинаковом *имущественном* богатстве. Люди делятся на сословия иногда

по родовитому происхождению и заслугам предков (напр., потомственные дворяне), иногда по роду занятий (напр., духовенство, купечество, крестьянство), иногда по характеру несомых повинностей (напр., прежнее русское деление на «податные» сословия – крестьяне и мещане, и «неподатные»). Нередко сословия имеют особый суд и особое управление. Иногда деление на сословия оказывается совершенно устаревшим, и тогда отличие сословия от класса становится особенно наглядным.

Наряду с этими широкими делениями совместная жизнь людей непрерывно создает более тесные и специальные группы людей, *свободно и добровольно* объединяющихся для достижения *общих целей*. Эти цели могут быть, например, *хозяйственными* и повести к созданию производительных товариществ, потребительных обществ, обществ взаимного кредита, страховых компаний и т. д. Или же эти цели могут иметь характер *духовный*; тогда возникают, например, различные *ученые* общества или общества, стремящиеся *усовершенствовать жизнь* людей (напр., благотворительные общества, религиозно-нравственные союзы, общества трезвости, кружки для самообразования, издательские группы, спортивные и т. д.). Каждый интерес, присущий нескольким людям, может вызвать к жизни тот или иной союз; а так как каждому человеку присущи самые различные интересы, то нередко бывает так, что один человек участвует в самых различных союзах и обществах. Понятно, что борьба за существование нередко сталкивает интересы отдельных людей и союзов и, может быть, человечество распалось бы на бесконечное множество враждующих между собою ячеек, если бы самые противоположности и столкновения интересов не вызывали к жизни обширные, устойчивые организации людей, именуемые *государствами* (см. §§ 16–18).

§ 5. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ

Мы видели, что общественная жизнь людей наполнена столкновениями различных интересов, возникающими в общей борьбе за существование. «Интересом» следует называть отношение живущего и желающего человека ко всему тому, что ему *необходимо* или *важно*. Понятно, что *столкновение интересов* возникает в том случае, когда два человека или несколько человек стремятся к тому, что им важно, а добиться нужного может только один. Тогда победа одного означает поражение другого или даже всех остальных, и между людьми возникает отношение «исключения»: победитель *«лишает»* побежденных и как бы *«исключает»* их. Такое соревнование между людьми называется *конкуренцией*. Конкуренции не бывает там, где все могут беспрепятственно пользоваться нужным: воздуха на просторе, воды в реках и в море, света в поле – хватит на всех. Но борьба возникает немедленно, как только воздуха (напр., в маленьких коморках), или воды (напр., в пустыне или при порче водопровода), или света оказывается ограниченное количество. Все, что *обеспечивает* или *облегчает* жизнь человека и чего в данный момент *на всех не хватает* – все это вызывает конкуренцию и обостряет борьбу за существование до такой степени, что люди становятся друг другу врагами. Борьба за обеспеченное и приятное существование достигает иногда большой остроты; подчас может казаться, что общественная жизнь действительно превратилась бы, по меткому слову английского философа Гоббса,⁴ в «войну всех против всех», если бы не было сдерживающих и организующих общественную жизнь *правил поведения*.

Уже в глубокой древности люди стали понимать, что борьба, доведенная до непримиримости, до такого озлобления, при котором стороны теряют уважение друг к другу и возможность вести переговоры и устанавливать примирение, вредит обеим сторонам. Понимая это, люди пытались находить такие исходы, которые, удовлетворяя более или менее интерес обеих спорящих сторон, давали бы им возможность продолжать и впредь совместную жизнь. Каждая сторона считала притязания противника чрезмерными, и оба спорщика сговаривались обратиться к третьему, возраст, опыт и ум которого могли бы указать *справедливый* исход. Родоначальник или старейшина, разрешая спор, давал каждому известный императив, предписывавший ему его дальнейшее поведение в спорном вопросе. Этот императив указывал каждому, во-первых, то, что он «может», т. е. что ему позволено, на что он «имеет право», во-вторых, то, чего он «не может», т. е. что ему запрещено, на что он «не имеет права», и в-третьих, то, что он «обязан» соблюдать. Решение судьи получало известный вес и оказывало влияние на спорящих; это объяснялось, с одной стороны, их доверием к его *авторитету*, с другой стороны, *справедливостью* того, что он постановил.

Эти две черты являются чрезвычайно важными: трудно представить себе, в какую хаотическую войну всех против всех выродилось бы человеческое общежитие, если бы у людей не было *доверия к авторитету* и *веры в справедливость*. На этих двух началах покоится самая возможность *норм общественного поведения вообще*. Не следует думать, что таким авторитетом для человека может быть только голос другого человека или что всякое чужое требование справедливо. Но правилу поведения всегда присуще значение *необходимого закона*, как было показано выше, и признать это значение может только тот, кто вообще умеет *уважать* что-либо *высшее* и кто ищет верного, т. е. *справедливого* решения человеческих конфликтов.

Возможность найти авторитетный и справедливый императив и примирить спорящих всегда драгоценна: она не только устраивает совместную жизнь людей *на этот раз*, но вселяет в них уверенность, что споры и столкновения *вообще* могут улаживаться мирно и спра-

⁴ Род. 1588, умер 1679 г.

ведливо. Но так как справедливость остается неизменной и одинаковой для всех, то однажды найденный справедливый императив превращается (постепенно или сразу) в *общее* правило, не только разрешающее *все* подобные споры, но предотвращающее самое возникновение их: каждый заранее может знать и знает, что он «может» и чего «не может», стоит только познакомиться с этим правилом и продумать его.

Понятно, что наличность таких правил делает возможным мирное общежитие. Люди могут вести совместную мирную жизнь лишь в том случае, если каждый осуществляет свои притязания и преследует свои интересы *только до известных пределов*. Эти пределы, разграничивающие сферу деятельности каждого, могли бы, конечно, отыскиваться и устанавливаться каждым для себя и *без всяких правил*, если бы люди были добры и совершенны. Но так как этого на самом деле нет, то правила поведения являются *необходимыми*. Необходимость их признается всеми; правда, одни полагают, что все правила должны быть *записаны*, другие считают более целесообразными *неписаные законы*; одни настаивают на том, что все правила должны быть установлены каким-нибудь *внешним авторитетом*, другие предпочитают *внутренний авторитет совести*; есть мыслители, полагающие, что все правила должны быть основаны на *свободном соглашении людей*; есть и такие, которые думают, что этих правил должно быть *возможно меньше*. Но значение их признается всеми.

Правила, определяющие взаимные отношения между людьми, мы будем называть *социальными нормами*. Социальные (т. е. общественные) нормы необходимы для поддержания мирного сожительства и сотрудничества людей. *Ограничивая непомерные притязания* каждого отдельного человека, они дают возможность *установить общественный порядок, защитить слабого* от притеснений сильного и приучить людей к обдуманному, выдержанному поведению; повинаясь этим правилам, люди постепенно привыкают не попираť чужих интересов, *считаться с правами и благом ближних* и согласовать свое поведение как с основными задачами человеческого *общежития*, так и с высшей целью человеческой *жизни вообще*. Эти правила приучают человека обуздывать свои страсти и влечения и воспитывают в нем умение жить с людьми согласно, творческою жизнью. Именно поэтому люди давно уже признали в них могучее средство для усовершенствования *личного характера и общественного строя*; сознательная и устойчивая привычка подчиняться этим правилам считается не без оснований признаком *духовной зрелости*.

§ 6. ВИДЫ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

Человек как живое, самостоятельное существо имеет двойной состав: *душевный* и *телесный*. Каждый из нас живет внутренней, душевной жизнью: мыслит, чувствует, желает, запоминает, воображает, но когда хочет осуществить что-нибудь не в себе, а вовне или сообщить другому о своем внутреннем состоянии, то пользуется своим телом как единственным орудием, допускающим *проявление душевных состояний*. Мы все привыкли к тому, что *изнутри* мы знаем *только о себе*, о всех же других людях знаем и судим *только* по их внешним проявлениям, иногда без ошибки делая по ним заключение о том, что происходит в их душах. Живая речь, слово, выражение лица и жест – вот средства общения, связывающие людей. Наука свидетельствует о том, что в действительности тело и душа человека ведут *единую, связную, органическую жизнь* и не разлучаются, пока человек жив. Поэтому и поведение человека имеет всегда двойной состав – душевно-телесный. При этом бывает так, что жизненный центр тяжести переносится в душу, и тогда тело является второстепенным и подчиненным элементом (напр., при молитве, размышлении), но бывает и так, что главная роль принадлежит телу, и тогда душа следит только за целесообразностью его движений (напр., при ношении тяжести, гимнастике, ходьбе и т. д.). Согласно этому, и *поведение* человека может рассматриваться с двух точек зрения: или так, что *душевное состояние* является главным и важным, причем внешнее поведение оказывается только его естественным внешним выражением; или же так, что главным и важным является известное *внешнее* поведение, а внутреннее настроение подразумевается или оставляется без внимания. Все правила человеческого поведения разделяются в зависимости от этих точек зрения на две большие группы норм: к первой группе относятся все нормы *моральные* и *религиозные*, а ко второй группе – нормы *правовые* и нормы *нравов*. Требования *справедливости* возникают из сочетания тех и других норм и должны рассматриваться отдельно (см. § 9).

Для того, чтобы усвоить различие между этими видами норм, необходимо иметь в виду следующее. Каждая норма предполагает, во-первых, что некоторое *разумное существо* установило известное предписание (см. § 2). Норма, которая «никем» не была установлена – невозможна и нелепа. Всякая норма есть *правило*, сформулированное в *словах*, в виде *логического суждения* и *грамматического предложения*. Поэтому норма всегда существует в виде высказанной мысли. Норма есть *обязательное правило, подуманное* (или придуманное) разумным существом и выраженное в *словах*.

Понятно, далее, что всякая норма устанавливается в известной последовательности: придумать норму может один человек, придать ей окончательную формулу – другой, а сделать ее обязательным правилом не может иногда ни первый, ни второй, а только третий. Таким образом, для всякой нормы характерна, во-вторых, та последовательность или тот *порядок*, в котором она устанавливается.

Этим, однако, не все сказано. Всякая норма (в-третьих) предписывает что-нибудь каким-нибудь *определенным людям*, будь то *все* члены общественного союза (напр., все подданные, все члены клуба), или *некоторые*, обладающие особыми свойствами (напр., совершеннолетние, душевно-здоровые), особым положением (напр., землевладельцы, спичечные фабриканты), особою властью (напр., мировые судьи, губернаторы), или же *одному* члену, имеющему исключительное положение в союзе (напр., римский папа, президент республики, монарх). Норма, которая предписывала бы известное поведение «никому» – нелепа и невозможна, хотя возможны нормы, которые в прямых словах не указывают, к кому они относятся; юристы решают тогда этот вопрос по смыслу.

Далее, в-четвертых, в каждой норме что-то предписывается, именно – известный *порядок человеческих отношений* как верный и должный (см. § 2). При этом «отношение» может

пониматься или как внутреннее настроение души, или как внешнее поведение, или же как то и другое вместе.

Наконец, в-пятых, применительно к каждой норме допустим вопрос о том, имеет ли она *санкцию*, и притом в чем состоит эта санкция. Санкцией называется то *предстоящее последствие*, которое постигает *нарушителя нормы*; это есть, так сказать, угрожающий перст, поддерживающий обязательное значение нормы и указывающий известное *неприятное будущее* для того, кто не будет повиноваться установленному предписанию.

Каждый из указанных видов норм должен быть отличён от других видов с этих пяти точек зрения. Пять вопросов решают здесь дело: *кто* предписывает? *в каком порядке* устанавливается предписание? *кому* предписывается? *что* предписывается (т. е. какой порядок?) и *какова санкция* нормы? В этом порядке мы и поведем рассмотрение. Необходимо только добавить, что не всегда по каждому вопросу возможно указать такое отличие, которое само по себе, взятое отдельно, было бы достаточно для того, чтобы установить характер нормы. Отличие дается только *всеми пятью признаками*, взятыми вместе, и это все время следует иметь в виду, чтобы не запутаться и не утратить необходимую ясность понимания.

§ 7. НОРМЫ РЕЛИГИИ И МОРАЛИ

Мы установили, что нормы религии и морали относятся к одной и той же группе норм. Однако в пределах одной и той же группы могут быть существенные отличия.

Религиею (от *religare* – привязывать, укреплять) называется живой духовный союз человека с Богом; этот союз состоит в том, что Бог *открывает* человеку свою сущность и свою волю (отсюда «откровение»), а человек, вступая в этот союз и пребывая в общении с Божеством, делает *волю Божию* – своею *нормою* и отдает свои силы на ее осуществление. Понятно, что религиозный человек, воспринимая волю Божию в виде правил поведения, видит в *Божестве* – *установителя* этих заповедей. *Порядок* этого установления состоит в том, что человек, признав (по тем или другим признакам) некоторые из своих душевных переживаний *посланными от Бога*, а то, что через них познается – состоявшимся откровением Божественным (уверовав), пытается придать воспринятому форму мысли (учение) и выразить в словах (писание и предание); в христианских исповеданиях верность этого мысленного формулирования и словесного выражения проверялась и утверждалась обычно на собраниях верующих (вселенские соборы). Естественно, что нормы религиозного характера предписывают что-нибудь *только тем*, кто принадлежит к этому исповеданию и, участвуя в церкви (т. е. организованном союзе людей, признавших данное откровение), приемлет ее учение. При этом, по учению большинства религиозных союзов, к исповеданию и церкви могут принадлежать и такие люди, которые *сами, непосредственно не имели откровения*, но веруют, приняв его от других людей, почитаемых за пророческий дар и святость. Таким образом нормы религии основываются иногда на признании авторитетности других людей. То, что предписывают эти нормы, является во всех зрелых и развитых религиях известным *внутренним душевным* поведением или *деланием* (молитва к Богу и подчинение своих желаний Его заповедям), причем нередко устанавливается, в каких именно внешних поступках, движениях и словах (обряд) должно выражаться благочестивое настроение души. Иногда люди упускают из вида, что обряд предписывается религией *только* в качестве естественного выражения *действительного* внутреннего отношения души к Божеству, и тогда религиозность вырождается в ханжество и лицемерие. Наконец религиозная норма имеет свою *санкцию*. Нарушитель ее чувствует себя стоящим перед лицом Божия гнева и, может быть, наказания; к этому может присоединиться налагаемое церковной властью покаяние, или эпитимия, или даже исключение из союза верующих.

Нормы морали отличаются от норм религии в некоторых существенных отношениях. В установлении нравственных правил человек является предоставленным *себе и своей совести*. Эти правила основываются на *самостоятельном* и *свободном убеждении*, которые каждый из нас должен выносить, обдумать и формулировать. Понятно, что такого убеждения никто ни у кого заимствовать не может; даже внешним авторитетом норма морали не может быть установлена, потому что единственным авторитетом здесь является *голос совести*, живущий в глубине *каждой души*. Это значит, что человек, слагая свои нравственные убеждения и устанавливая нормы морали, не может руководиться личной прихотью и произволом, но должен поставить пред своею совестью вопрос о том, *что есть самое лучшее, совершенное и праведное* в личном поведении и в отношении человека к человеку. Указания совести надлежит затем высказать в форме грамматического предложения и логического суждения, которое и *выразит основную* моральную норму поведения; распространение этого правила на отдельные стороны внутренней и внешней жизни даст возможность составить *подчиненные* нормы морали. Так, напр., каждому из нас без особого труда удастся признать и формулировать норму: «относись ко всякому человеку с тою любовью, которою ты обычно любишь самого себя»; такое перенесение жизненного центра тяжести со своего

благополучия на других людей породит, с одной стороны, требования *бескорыстия, самоотвержения и скромности* в отношении к себе, с другой стороны – правила, предписывающие *доброжелательство, уважение, щедрость, доверие* и т. д. по отношению к другим.

Итак, нормы морали каждый человек должен установить для себя *сам*. Другие, в частности родители и воспитатели, могут ему, правда, *помочь* в раскрытии и осмыслении голоса совести, но до *признания и убеждения* каждый из нас должен дорасти сам. Это *не* значит, что у каждого человека могут быть свои особые воззрения на добро и зло, причем каждый *про себя* будет *прав*. Нет, различные понимания морали бывают у людей потому, что они или не знают верного пути к совести, или же не хотят им идти; нередко они ошибаются, принимая «житейскую пользу» за нравственное добро, или не решаясь поставить перед совестью правильный вопрос о *самом* лучшем; или же они, совсем не обращаясь к ее авторитетному голосу, придумывают что-нибудь *от себя*. При правильном же исследовании голос совести покажет всем людям одно и то же, и это выражали иногда так: совесть есть голос Божий, звучащий одинаково в каждой душе, но требующий от нее особого внимания и *самодетельной* работы над ее убеждениями. Таков *порядок установления* моральных норм.

Понятно, что норма морали *связывает только того* человека, который ее признал; она предполагает *добровольное* согласие и признание, и если кто-нибудь соблюдает ее по чужому приказанию, из покорности или страха, то она теряет свой моральный характер. Это не значит, конечно, что всякий, кто не захочет признать ее, может делать, что ему заблагорассудится: произвол его окажется ограниченным нормами другого характера – теми нормами права, которые связывают каждого гражданина, а также теми, которые установлены распоряжениями его ближайшего начальства (напр., воспитателей). Но это значит, что нравственная жизнь возможна только для того, кто имеет действительное, искреннее желание стать лучше; каждого человека можно и должно свободно *убедить* в том, что существует внутренний закон добра и что это есть закон любви; и наконец, что если он его не соблюдает, то он *всегда будет неправ*. Но *принудительно* – нормою морали нельзя связать никого.

Далее, эта норма предписывает всегда известное *внутреннее отношение* ко всему живому, и в особенности к человеку, и в виде естественного последствия или выражения этого настроения души, – *внешнее поведение, согласное с ним*. Нравственные правила всегда начинают с душевной глубины и требуют прежде всего *внутренней доброты*. Это не значит, что они удовлетворяются ею и большего не требуют; недаром говорится, что «ад вымощен добрыми желаниями». Но это означает, что нравственные правила никогда не предписывают внешних поступков или внешнего поведения *независимо* от того душевного настроения, которым они сопровождаются. Нравственный поступок всегда готовится в глубине души, как бы вырастает из нее, и внешнее проявление человека всегда является в таких случаях лишь зрелым плодом внутренней доброты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.